

ПОХИЩЕННАЯ УЛЫБКА

В перезвон колоколов над парижскими бульварами августовским днем 1911 года врывались пронзительные вопли разносчиков газет: «Сенсация! Сенсация! Из Лувра украден шедевр Леонардо да Винчи!»

Мона Лиза улыбалась со всех французских изданий, на каждом углу шла бойкая торговля ужасающего качества открытками с изображением Джоконды, внизу красовались соперничающие в остроумии стихотворные эпитафии.

Детектив Дорне, нестарый сухопарый человек, поморщился: как бы такой ажиотаж вокруг картины не повредил его работе — ему как раз поручили вести это дело. Впрочем, стоит ли удивляться реакции публики: ясно ведь, что исчезновение бесценного национального сокровища можно считать преступлением века. Тут внимание Дорне привлекли звуки протяжного, пронзительного и

вместе с тем несколько театрального плача под аккомпанемент траурных дудок и скрипок. Они резко контрастировали с доносящимся с той же стороны варварским глумливым смехом и непристойным улюлюканьем. По извилистым узким улочкам Монпарнаса двигалась необычная похоронная процессия: сотни полторы причудливо и пестро одетых людей провожали катафалк, на котором, кротко сложив на груди нежные белые руки, лежала с открытыми глазами женщина, весьма похожая на мону Лизу Джоконду. Ближе всех к «покойнице» стоял высокий сутулый молодой человек, рыдавший во весь голос, его лицо выражало самую ненаигранную скорбь. Процессия привлекала все больше и

не с изумлением наблюдал, как высокий молодой человек, тот самый, который громче всех рыдал, при виде восставшей покойницы вдруг покочнулся и грохнулся в обморок. «Ну и идиоты все-таки эти художники!» — пробормотал Дорне и, тронув за рукав оказавшегося рядом с ним полицейского, жестом указал ему на распростертую на земле фигуру парня. Из настежь открытой двери ресторана до сыщика донеслась чья-то запальчивая реплика: «Вывести из Лувра картину так же просто, как стащить яблоко на соседнем базаре!»

Дорне вздохнул. И ведь правы, черти! Пропажу портрета обнаружили рано утром во вторник 22 августа. Накануне был выходной — по понедельникам Лувр закрывают на уборку, и бесполовый сотрудник зала, где последние пять лет висела «Джоконда», решительно не мог вспомнить, была ли картина на месте вчера или он попросту не заметил зияющую пустоту между «Мистической свадьбой» Корреджо и тичиановской «Аллегорией Альфонсо д'Авало». В Лувре начался настоящий переполох: мигом включились все сирены, город наполнился гудками десятков спешащих к музею полицейских машин, всех без исключения посетителей бесцеремонно обыскали и допросили, то же проделали и со всеми служителями, экспертами, менеджерами, уборщиками, фотографами, рабочими... Несчастный директор Лувра Тео-

Начался переполох: в Лувре включились все сирены, город наполнился гудками десятков спешащих к музею полицейских машин

больше любопытствующего народа. Тут и там виднелись полицейские, бдительно следившие за происходящим. Дорне насмешливо передернул плечами: «Художники развлекаются! Этим все нипочем, из всего устроят спектакль!»

Похоронная процессия остановилась перед известным всей па-

рижской богеме ресторанчиком «Ротонда». «Покойница» вдруг резко вскочила, подобрала тяжелые складки непривычно длинного платья и под всеобщий гогот ринулась в заведение. Большинство участников процессии последовало за ней, брошенный катафалк так и остался стоять на углу пыльной улицы. Дор-

филь Гомоль, беспечно гревшийся на солнышке в Ницце по случаю отпуска, узнав о случившемся, едва не пустил себе пулю в лоб.

В конце концов на одной из заброшенных запасных лестниц обнаружили разбитое стекло и старинную раму от «Моны Лизы», пару лет назад подаренную музею графиней

де Беарн. Таким образом, обстоятельство кражи прояснились: вор, скорее всего оставшийся в Лувре на ночь, снял картину со стены, на лестнице избавился от громоздкой рамы и утром каким-то образом выскользнул из музея незамеченным.

Дорне попытался выяснить у дежурного по залу, пожилого рассеянного старика по имени Эдвард Эванс, не заметил ли тот чего-нибудь необычного: может, в последнее время у картины вертелись какие-то подозрительные посетители или ему запомнился кто-то, кто проявлял к «Моне Лизе» повышенный интерес. Мсье Эванс долго кряхтел, тер рукой лоб и наконец вспомнил, что, кажется, действительно сюда почти ежедневно приходил один человек, часто в сопровождении какой-то разбитной девицы. Да-да, Эвансу как-то сказали, что это был поэт Гийом Аполлинер. Как он себя вел? Очень странно. Памясничал, складывал ручки на манер флорентийки на портрете, хватался за сердце и посылал ей воздушные поцелуи.

— Мне совершенно плевать на эту вашу девку! — кричал возмущенный Аполлинер на перекрестном допросе, длившемся трое суток. Дорне так и не удалось заставить поэта выражаться пристойнее. — Меня интересовала только эротическая поза фавна на картине Веронезе. Я не виноват, что рядом с великим Веронезе повесили эту старую рухлядь!

В общем, допрос поэта ничего не дал. Его квартиру, разумеется, тщательно обыскали, но так как улики обнаружено не было, Аполлинера пришлось отпустить. Следствие зашло в тупик, и Дорне пребывал в отвратительнейшем расположении духа. Он не был новичком в таких делах и теперь недоумевал: как могло случиться, чтобы такая, мягко говоря, заметная вещь, как «Мона Лиза», исчезла, и не осталось почти никаких следов и зацепок? А те немногие, что были, ни к чему не привели.

Слухи и версии множились, одна другой невероятнее: администрация музея, инсценировав кражу, за баснословные деньги продала картину за границу; ее украл очередной влюбившийся в мону Лизу маньяк (уже был случай, когда в Лувре перед этой картиной покончил с собой человек, в кармане которого нашли предсмертную записку о неразделенной

любви к загадочной флорентийке); портрет якобы припрятал один из служащих Лувра с единственно благородной целью — наглядно продемонстрировать коллегам, с какой вопиющей халатностью организована служба безопасности в одной из величайших художественных сокровищниц мира. Сторонники последней версии были уверены, что украденная картина очень скоро сама вернется на прежнее место. В Лувр стекались тысячи посетителей со всего мира только для того, чтобы полюбоваться на след от рамы исчезнувшей «Джоконды». Вскоре кто-то прицепил сюда букетик траурных тубероз.

Немилосердный язвительный огонь прессы, можно сказать, разрушил репутацию сбившейся с ног парижской полиции и лично мсье Дорне. Целых два года(!) пролетели в бесплодных поисках. Дорне эта ситуация извела настолько, что он уже собирался демонстративно отказаться от дела. И вдруг в декабре 1913 года детектив получил письмо от некоего итальянца Альфредо Гери, который настаивал на немедленной встрече. Дорне срочно выехал в Милан. Альфредо Гери, оказавшийся известным коллекционером древностей, рассказал сыщику: примерно месяц назад он поместил в газете объявление, что готов предложить хорошую цену за любые старинные произведения искусства. И вот на днях получил более чем странное послание с парижским штемпелем.

Дорне нетерпеливо выхватил письмо. Некий человек, подписавшийся «Леонардо», сообщал, что он является обладателем подлинника «Моны Лизы» и мог бы продать его Гери — в том случае, разумеется, если они сойдутся в цене. Дорне снова и снова перечитывал текст. Невероятно!

— Напишите этому «Леонардо», что вы немедленно приедете к нему в Париж, — обратился он к Гери.

Дорне не верил, что этот след серьезно подвинет дело. Наверняка кто-то решил глупо пошутить — скорее всего речь идет о дрянной копии, которую какой-то мошенник хочет всучить коллекционеру.

Однако «Леонардо» вскоре прислал ответ, что все дела, связанные с «Джокондой», он будет вести только в Италии.

В конце декабря Альфредо Гери, явно нервничая, поджидал гостя в условленном месте — в маленьком миланском отеле, живописно примостившемся на окраине города. Ждать пришлось недолго. Вскоре во дворик вошел маленький приземистый человек, по виду итальянец, с пышными черными усами: «Синьор Гери?» Альфредо вскочил. «Леонардо», учтиво поклонившись и даже не найдя нужным представиться, пригласил Гери пройти к нему в номер.

— Я желаю получить за картину полмиллиона лир, и, думаю, торг тут

неуместен, — безо всякого вступления заявил человек.

Гери пожал плечами:

— Видите ли, прежде чем обсуждать цену, я должен взглянуть на полотно и показать его специалистам. Вдруг это окажется подделкой?

— Это не подделка, потому что я сам, вот этими руками, — незнакомец потряс у Гери перед носом крепкими волосатыми ручищами, — снял ее со стены в Лувре.

От такой вопиющей откровенности Гери аж передернуло.

— И тем не менее, — сказал он, с

трудом сдерживая дрожь в голосе, — можно все-таки мне взглянуть на картину?

«Леонардо» вытащил из-под кровати старый, выдавший виды чемодан, открыл его и начал выбрасывать на пол не блещущее чистой баракло: носки, рубашки, трусы, потом какие-то длинные шарфы, книги. Наконец он извлек завернутую в тряпье картину и бережно ее развернул. Гери на мгновение встретился взглядом с насмешливыми глазами моны Лизы и тут же перевернул холст: на оборотной стороне красовался штамп Лувра.

«Я желаю получить за картину полмиллиона лир, и, думаю, торг тут неуместен», — безо всякого вступления заявил незнакомец

— Прежде чем мы заключим сделку, — промямлил Гери, подходя к окну и делая едва уловимый знак рукой, — мне все же необходимо показать картину экспертам...

Минуту спустя дверь распахнулась, и в номер ввалились «эксперты» — два полицейских с наручниками в сопровождении Дорне.

«Леонардо», чье настоящее имя оказалось Винченцо Перуджиа, предпочел не отпираться и чисто-сердечно во всем признался. Да, он действительно два года назад похитил эту картину из Лувра, воспользовавшись тем, что когда-то там работал и его лицо примелькалось всем служителям. По утверждению Перуджиа, он совершил это не столько ради денег, сколько ради восстановления «возмутительнейшей несправедливости»: шедевр Леонардо да Винчи, по мнению флорентийца Винченцо, должен находиться на родине маэстро, в Италии, и он считал своим долгом вернуть стране сокровище, как он полагал, когда-то украденное Наполеоном. Перуджиа был сражен, когда ему сказали, что великий Леонардо да Винчи в 1517 году сам продал «Джоконду» французскому королю Франциску I за 20 тысяч флоринов.

...Откровенно говоря, сыщик Дорне в глубине души был крайне разо-

Квартира Винченцо Перуджиа. Париж, 1911 г.

Фотографии Винченцо Перуджиа из полицейского архива. Париж, 1909 г.

за тем, что творится в среде монпарнаских художников. Мсье Дорне почему-то часто вспоминались те шутовские похороны «Моны Лизы», случайным свидетелем которых он стал однажды. Да и вообще всем было отлично известно, что монпарнаские ребята — большие шутники и от них можно ждать чего угодно. Еще два года назад в связи с допросом Аполлинера у Дорне был случай поближе познакомиться со всей этой шумной неуживчивой компанией — с Пикассо, Максом Жакобом и этим шутом гороховым Модильяни в неизменной куртке цыплячьего цвета. Дорне уже тогда понял, что эти так называемые авангардисты ненавидят старых мастеров и, как выразился однажды Пикассо, «всегда будут совать палки в муравейник классицизма».

Первым делом Дорне решил приглядеться к выставкам «пастишей» — так монпарнасцы называли наме-

Эксперты пришли к мнению, что найденная картина — не подлинник да Винчи, а всего лишь мастерски выполненная копия!

чарован развязкой дела. Ведь совершенно ясно, что в обнаружении пропажи нет никакой его заслуги, о чем детективу уже нелицеприятно намекнуло начальство.

Дорне сидел дома один, разбирая шахматную партию, когда в дверь постучали. Один из его молодых помощников прямо с порога выпалил совершенно сенсационную новость. Директор флорентийского музея изобразительных искусств Джованни Погги, крупнейший специалист по Леонардо да Винчи, и главный эксперт Лувра мсье Жордане дали наконец свое заключение. Поначалу ни у кого не вызвало сомнений, что картина, отобранная у Перуджиа, была той самой, которая в день кражи 21 августа 1911 года висела в Луврском музее: помимо штампа на ней сохранились характерные следы бронзовых крючков, которые обновили на всех картинах в этом зале всего лишь за пару меся-

цев до инцидента. Но после тщательнейшей экспертизы Погги и Жордане пришли к единодушному мнению, что эта картина — не подлинник да Винчи, а всего лишь очень хорошо выполненная копия! Получалось, что некто неизвестный украл подлинник картины еще раньше, подменив его на копию, и ни один из хваленых музейных экспертов, в чьи обязанности входило еженедельное освидетельствование самых ценных полотен, этого даже не заметил!

Услышав новость, Дорне пришел в крайнее возбуждение. Нет, положительно он перестанет себя уважать, если во что бы то ни стало не распутает эту историю! Несколько дней подряд сыщик, запершись дома, рисовал какие-то схемы и планы и в конце концов разработал основные направления расследования.

Для начала он решил, что будет нелишне пристально понаблюдать

ренное повторение известных классических шедевров с теми или иными вариациями. Нередко среди этих «пастишей» попадались и точные копии классических картин. Прохладным весенним днем 1914 года сыщик прогуливался мимо бесконечной вереницы картин такой выставки, растянувшейся аж на несколько улиц. Чего тут только не было: Тициан, Гойя, Паоло Веронезе... У сыщика нет-нет да и мелькала соблазнительная мысль: а вдруг на потеху публике среди этого хлама где-нибудь выставлен и подлинник «Моны Лизы»? Эта шутка вполне в духе Монпарнаса. Вдруг взгляд Дорне привлекла картина Леонардо да Винчи «Святая Анна». Сыщик заинтересовался у лохматого смурного парня, стоявшего у полотна, его ли это работа. «Если бы, — вздохнул тот. — Мне до этого далеко. Я всего лишь продавец». Дорне осчастливил лохмача немалыми деньгами и сдал кар-

Перуджиа со своим адвокатом в зале трибунала во Флоренции

тину на экспертизу. Его интересовал только один вопрос: насколько мастерски сделана копия? Ответ превзошел все ожидания: эксперты заявили, что копия сделана настолько блестяще, что даже искусный в творчестве Леонардо да Винчи специалист на глаз никогда не отличит

но нуждался в деньгах. Никто даже толком не запомнил, как он выглядит. «Сугулый молодой человек» — вот и все, что удалось вытянуть из беспечных художников. Изумительный словесный портрет для розыска! Дорне, естественно, тут же отправил своих людей, чтобы они покрути-

кий, простаивал перед «Моной Лизой» со своим этюдником часы напролет. Служитель вдруг хлопнул себя по лбу: «Ну конечно, у того парня были шрамы! Отчетливо помню, однажды он закатал рукава рубашки, и я обратил внимание на запястья — там были отчетливые рубцы. Я еще

Служитель хлопнул себя по лбу: «Ну конечно, у того парня на запястьях были шрамы! Я еще тогда подумал: не иначе как вены себе резал!»

эту картину от подлинника. «А может, у них в Лувре уже одни лишь подделки?» — посетила Дорне крамольная мысль.

Теперь ему нужно было разыскать автора копии. Это оказалось совсем не простым делом. На Монпарнасе Дорне сказали, что это какой-то художник-любитель — он впервые принес им свою работу, так как силь-

лись в гуще монпарнасской братии и попытались обнаружить следы «любителя».

...Тем временем служитель зала, где висела «Джоконда», уже хорошо знакомый Дорне мсье Эванс, неожиданно вспомнил, что в течение зимы и весны 1911 года некий плохо одетый молодой человек, кажется, действительно сугулый и очень высо-

тогда подумал: не иначе как вены себе резал!»

Теперь всех монпарнасских художников по очереди вызывали на допрос и расспрашивали о какой-нибудь чепухе с единственной целью — взглянуть на их запястья. Описанных рубцов ни у кого не оказалось. Дорне разочарованно фыркнул, но не позволял себе падать ду-

хом. Интуиция подсказывала ему, что он на правильном пути. В мае все того же 1914 года сыщик, нацепив какую-то купленную на улице маску, отправился на карнавал художников, ежегодно устраиваемый на Монпарнасе: Дорне надеялся, что там ему посчастливится напасть на след «любителя»... Сыщик чертыхался: этот карнавал оказался весьма разнуданным мероприятием. На улицах ночь напролет бушевали банды полунагих гладиаторов и римлян, черти с копытами, фурии, ведьмы, разодетые куртизанки — кого только не было... Ошалевший от шума и гвалта Дорне решил зайти в первый попавшийся ресторанчик, чтобы опрокинуть рюмку-другую и немного передохнуть, как вдруг нос к носу столкнулся с... «Микеланджело», которого узнал по характерно сломанному носу и темно-вишнево-му, как на известном портрете, плащу.

— А нельзя ли тут где-нибудь увидеться с «маэстро да Винчи»? — повинуюсь какому-то неведомому наитию, поинтересовался у него сыщик Дорне.

— А вы загляните туда, — несколько не удивившись, ответил «Микеланджело», махнув рукой в сторону открытой двери ресторанчика «У Розали». — Я только что его там видел.

Дорне вошел в душный зал, где плотная завеса дыма почти скрывала присутствующих. Вскоре ему удалось разглядеть своего старого знакомого Пикассо в костюме гренадера, который у стойки разговаривал с высоким молодым человеком крепкого телосложения, одетым в красный расшитый камзол и туфли с бантами. Длинная белокурая борода и такие же светлые вьющиеся волосы делали его лицо неуловимо женственным. Сыщик Дорне, за последнее время изрядно поднаторевший в классическом искусстве, немедленно признал в нем «Леонардо да Винчи». Пристроившись поближе, он стал прислушиваться к беседе «гренадера» и «живописца», однако из-за шума ему так ничего и не удалось разобрать. Дорне, оттягивая мешавшую маску, и так и сяк пытался разглядеть запястья «да Винчи», но длинные рукава его камзола не позволяли этого сделать.

— Кто он? — указывая на «да Винчи», тихо поинтересовался Дорне у

сидевшего рядом человека, в котором с некоторым опозданием узнал Амедео Модильяни — тот тоже в свое время успел побывать у него на допросе. К этому моменту Модильяни, по всей видимости, уже как следует накачался гашишем и едва ворочал языком.

— А, псих один. Воображает, что он перевоплощение великого Леонардо да Винчи. Говорят, он и дома ходит в этом костюме. Совсем сдвинулся парень...

И в этот самый момент самозванный «Леонардо» потянулся за рюмкой. Дорне прищурился: на запястье молодого человека явственно мелькнул шрам! Вдруг кто-то сильно толкнул сыщика в бок, зазвенела посыпавшаяся на пол посуда — стоявшие неподалеку вдрызг пьяные художники затеяли потасовку, завязалась драка, поднялся такой шум, что не успел Дорне опомниться, как «Леонардо» и след простыл.

В последующие дни никакие ухищрения не помогли вытащить из монпарнасцев сведения о незнакомце, который на карнавале был в костюме Леонардо. Даже Модильяни — главная надежда Дорне — заявил, что был пьян и ничего не помнит. Удивительно, но самому Дорне «Леонардо» показался странно знакомым. Где-то он его уже видел, но где?..

...Вскоре на Монпарнасе заметили странное явление: по улицам медленной величавой походкой павы прохаживалась... мона Лиза Джоконда, словно сошедшая с картины да Винчи. Прическа, грим, цвет лица, одежда и даже улыбка — ну просто копия флорентийки. Кто-то, завидев ее, тарасился во все глаза, кто-то игриво махал ей рукой, но большинство не обращало на странную даму решительно никакого внимания: в этом районе Парижа давно ко всему привыкли. В один из воскресных дней перед «моной Лизой» как вкопанный вдруг остановился высокий человек, закутанный, несмотря на теплую погоду, в длинный шерстяной шарф. Он прижал руки к лицу, обнажив изуродованные шрамами запястья, и громко воскликнул:

— Мадонна! Разве я уже не оплакивал вас?! Неужели вы явились с того света? Неужели сжалились надо мной?!

Двумя часами позже сыщик Дорне уже громко стучал в дверь находив-

Торжественная церемония возвращения «Джоконды» в Париж

Дорне приоткрыл дверь в комнату и замер на пороге: на алтаре с зажженными свечами стояла картина Леонардо да Винчи «Мона Лиза»

шейся под самой крышей квартиры на улице Равиньян. На двери значилось «Нотариус Жорж Буле». Никто не открывал. Дорне толкнул легко подавшуюся дверь и прошел внутрь. Сначала ему показалось, что квартира пуста. Он огляделся: опрятная, но бедная обстановка, дешевая посуда, повсюду разбросаны какие-то газеты, счета. И вдруг до Дорне донесся возбужденный высокий, хотя и явно мужской голос: «Они смеют гово-

рить, моя богиня, что вместо вас я изобразил своего любовника, этого негодяя Джузеппе Маццано, в женском платье! Да я испытываю физическое отвращение к мужскому телу. И к женскому тоже — но только не к вам. Иногда мне кажется, что вы и вправду похожи на юношу. И если ты вдруг превратишься в юношу, берегись! — в голосе зазвучали угрожающие нотки, — я отнесу тебя на самую вонючую парижскую помойку и ос-

тавлю там на съедение крысам. Впрочем, мне теперь все равно, кто ты. Кто бы ты ни была, — снова интонация благоговения и мольбы, — я горю, я готов, одари меня своими ласками!»

Дорне был больше не в силах слушать этот бредовый монолог. Он решительными шагами пересек гостиную, бесшумно приоткрыл дверь в самую дальнюю комнату и замер на пороге. У противоположной стены

был устроен алтарь с зажженными свечами. На алтаре стояла картина Леонардо да Винчи «Мона Лиза». В мерцающем свете свечей ее лицо казалось абсолютно живым, а улыбка — издевательской, дьявольской, так что даже выдавшему виды Дорне стало не по себе. Перед портретом распростерся полунагой светловолосый человек. Дорне быстро огляделся: на полках стояли разнообразные кисти, палитры, горшочки с красками, несколько незаконченных картин, на одном из холстов автор явно пытался изобразить мону Лизу в виде юноши.

— Мсье Буле, вы арестованы, — хриплым голосом проговорил Дорне.

Человек на полу дернулся, как от удара хлыстом, и медленно поднял голову. Только сейчас сыщик узнал его: ну конечно, это тот самый человек, который упал в обморок во время инсценировки похорон «Джоконды»!

...На допросе Жорж Буле упорно именовал себя живописцем Леонардо да Винчи. И лишь иногда, по-видимому в те моменты, когда его сознание прояснялось, юноша уточнял, что он — «первоплотение» великого живописца Возрождения.

— Признаете ли вы себя виновным в краже картины «Мона Лиза Джоконда» из Лувра и замене ее на подделку? — спросил арестованного Дорне.

— Ни в коем случае, — последовал ответ. — Какая же это кража, если я просто вернул себе свою собственность?

— Но у вас все же было понятие о том, что вы совершаете нечто недозволенное, раз вы додумались повесить взамен копию? — усмехнулся Дорне.

— Я повесил копию, потому что мне казалось жестоким вообще лишить мир этого шедевра, и потом, разве совершенство этой копии не подтверждает, что так называемый подлинник полотна — моя работа? — с достоинством спросил Буле.

О несчастном навели справки. Сын бедного портного, Жорж с детства мечтал стать художником, но вместо этого ему пришлось зарабатывать на хлеб и пойти в нотариусы. Леонардо да Винчи всегда был его кумиром, и Жорж, у которого не нашлось средств, чтобы учиться живописи, сам для себя решил, что его

учителем станет великий Леонардо. С тех пор все свое свободное время он тратил на копирование его картин, и в конце концов сосредоточился исключительно на «Джоконде». По-видимому, Жорж Буле был от природы очень одаренным живописцем, так как относительно скоро он стал свободно и виртуозно рисовать в манере да Винчи. Однако постоянный тесный контакт с леонардовским шедевром привел в расстройство его слабую психику. Жорж влюбился в мону Лизу и уже не мог прожить ни дня без свидания с ней: понедельник, по которым Лувр бывал закрыт, стали для него настоящим проклятием. Тогда-то он и начал воссоздавать копию картины у себя в камерке. К тому моменту, когда он решился на подмену, в его горячем сознании уже прочно утвердилась мысль, что он и есть Леонардо да Винчи и потому имеет полное право на подлинник. Кроме «Моны Лизы» Буле скопировал еще несколько картин итальянца, которые за гроши продал через знакомых на Монпарнасе каким-то иностранцам, желавшим приобрести приличные копии.

Психиатрическая экспертиза, разумеется, признала Жоржа Буле невменяемым, поэтому вместо скамьи подсудимых его отправили в дом для умалишенных. Но и там этот в целом смиренный, послушный пациент потребовал полотно, кисти и краски и с неистовством принялся изображать новую мону Лизу, без которой, как он говорил, его жизнь не имела смысла. Оценить полученную копию пригласили лучших экспертов. Те нашли очередную работу Буле настолько совершенной, что посоветовали продать американским галереям. Можно предположить, что кто-то, возможно, руководство клиники, заработал на этом неплохие деньги. Как только у несчастного Буле отняли его «Джоконду», он впал в такую смертельную тоску, что пришлось снова предоставить ему возможность писать... очередную «Мону Лизу». Однако этой работы Жорж закончить не успел: ему вдруг почудилось, что нарисованные им глаза смотрят на своего творца с пренебрежением... Он скончался от удара перед начатым портретом своей вечной возлюбленной.